

[25.01.2003] Киргизский ГУЛАГ. Случаев людоедства у нас пока нет...

16 КАМЕР НА 124 СМЕРТНИКА

Пенитенциарная система Киргизстана сегодня – это: 5 следственных изоляторов, 18 колоний-поселений, 11 закрытых исправительных колоний, в том числе – одна женская и одна воспитательная для несовершеннолетних.

Общее количество заключенных (включая арестантов, находящихся под следствием) – свыше 17 тысяч человек. Из них более 11 тысяч – осужденные, отбывающие срок в закрытых колониях усиленного и строгого режимов. Каждый год «тюремное население» Киргизстана увеличивается в среднем на 2,5 тысячи зэков. При этом желающих их охранять находится мало: каждое пятое место в штате пенитенциарных учреждений – вакантно.

Практически все осужденные – более 15 тысяч человек – сидят без работы. Зарплата тех немногих, кто работает, в день составляет в среднем 18 сомов.

В день каждому осужденному положено питание на 31 сом, реально же их кормят на 16 сомов. Столько же получают больные туберкулезом – при положенной норме 56 сомов в день. Туберкулезом заражен примерно каждый шестой заключенный: во всех учреждениях пенитенциарной системы содержится в общей сложности свыше 3 тысяч больных различными формами этой болезни.

Только в бишкекском СИЗО-1 более 120 арестованных женщин содержатся всего в 8 камерах. 124 осужденных к смертной казни (которым положено сидеть в «одиночках») набиты в 16 камер – в среднем по 8 человек в каждой.

(Большинство данных, содержащихся в правительственной Концепции о реформировании пенитенциарной системы, относятся к

2001 году, когда этот документ сочинялся. Некоторые сегодняшние цифры – например, о количестве смертников – являются секретными.)

Незадолго до Нового года премьер-министр Н.Танаев своим постановлением №833 одобрил и благословил многостраничный документ, при чтении которого начинает, честно говоря, казаться, что держишь в руках... фантастический роман. Правда, роман добрый, оптимистичный. Называется он – Концепция реформирования пенитенциарной системы Киргизстана. Реформировать пенитенциарную (то бишь тюремную) систему запланировано до 2010 года. К этому сроку, по идее, мы должны наши тюрьмы и зоны не узнать! Они преобразуются, вплотную приближаясь к мировым стандартам! Они становятся открытыми и прозрачными для контроля общественности! Видим мы в этой концепции и совсем других эков – чистеньких, сытых, исправляющихся прямо на глазах...

Отряхнувшись от этого наваждения, мы решили спуститься на грешную землю и порасспросить тех, кому это чудо предстоит воплощать в жизнь. Начальника штаба Главного управления исполнения наказаний (**ГУИН**) министерства юстиции Батырбека САПАРБАЕВА фантазером не назовешь. Практик. «Систему» знает не понаслышке. До конца 80-х годов работал в России. Трудно представить, что даже детство этого интеллигентного человека в очках прошло в тюрьме: мать Сапарбаева была начальницей женской колонии.

БОГ В ПОМОЩЬ ЗАМПОЛИТУ

– Вопрос: надо реформировать систему или нет – не может даже стоять, – рассуждает Сапарбаев, – другого выхода просто нет. Мы недавно подсчитали: за 10 лет независимости Киргизстана через колонии и СИЗО прошло около 80 тысяч человек. Умножьте на число пусть даже близких родственников каждого, на десяток человек – сколько получится? С пенитенциарной системой так или иначе столкнулась едва ли не каждая киргизстанская семья. Она накладывает отпечаток на все общество. Это – уже вопрос национальной безопасности.

– С этим спорить трудно. Но будем реалистами: возможно ли наш

«ГУЛАГ» реформировать?

– Реформа, в сущности, уже началась – с того, что пенитенциарную систему передали из МВД в минюст. И знаете, я даже по себе чувствую, как начинает меняться психология: раньше само слово «гуманизация» ничего, кроме усмешки, бы не вызвало. После того, как мы перешли в гражданское ведомство, к нам сразу потянулись международные организации. С Международным комитетом Красного Креста (МККК) минюст даже заключил официальный договор. Мы (раньше такое было немыслимо) открыли им все двери – они могут обследовать любую колонию со своими медиками, юристами, психологами.

– И каковы их впечатления?

– В принципе, почти все, что писали в своих докладах представители МККК, мы и сами знаем. Но были и такие оценки, которые нас удивили. Проверили они, например, калорийность пищи в Джалал-Абадской колонии и сделали вывод: с таким питанием человек через какое-то время... должен умереть. По нашим же, киргизстанским меркам питание считается в пределах нормы.

– А разве наши зэки не умирали от голода?

– Таких случаев я не знаю. В Казахстане – там даже людоедство случалось. А у нас наблюдается дистрофия не столько от голода, сколько на фоне туберкулеза.

– Итак, потянулись международные организации, проверили – и каков результат?

– Гумпомощь. Первый вклад сделал Красный Крест – медикаменты и медоборудование на 4 тысячи швейцарских франков. От других организаций поступают одежда, одеяла, моющие средства. Пока, правда, в виде разовых акций. Хотелось бы, конечно, более широкой помощи. Главное достижение – в прошлом году впервые удалось вдвое снизить смертность от туберкулеза.

– А совсем искоренить эту болезнь можно?

– Можно. Но нужны финансовые вливания. Главное – нормальное питание.

– *Одна из целей реформы – «обеспечение эффективного перевоспитания осужденных». Вы, положив руку на сердце, верите, что оно, исправление, возможно?*

– Части заключенных – да. Один из путей (и это предусмотрено концепцией) – привлечение религиозных организаций.

– *А вы уже пробовали это делать?*

– Вот здесь – проектов как раз много. В ГУИНе при международном отделе даже создан штаб, который как минимум раз в неделю выдает разрешение представителю той или иной религиозной конфессии на посещение осужденных. Доходит до курьезов. Международные организации предлагают в каждой колонии создать должности капелланов, хотя сидят-то у нас мусульмане и православные, а в сущности – по большому-то счету не верующие ни в Бога, ни в черта! Вообще, что удивительно, и рвутся к заключенным в основном две организации – м

естная Церковь Иисуса Христа и Международная христианская церковь. А вот, скажем, со стороны исламского духовенства такой активности почему-то не наблюдается. А ведь дело благое – наставлять на путь истинный заблудшие души.

– *А сами ээки часто просят прислать им муллу или священника?*

– Увы. Нуждаются в религии пока очень немногие заключенные. Приобщать их к ней – в соответствии с международными стандартами – еще предстоит. Есть проект по строительству в местах заключения мечетей и церквей. Но тут кроется другая опасность. В Узбекистане как-то посадили в одну зону несколько членов ИДУ – и через неделю вся колония стала ваххабитами. Так что придется и проповедников подбирать осторожно.

СТРОИТЬ ТЮРЬМЫ ПОМОЖЕТ... СОРОС?

– *А вы сравнивали, насколько далеко стоите от международных стандартов?*

– Знаете, в юридической части мы, можно сказать, их выполняем: наши заключенные имеют по закону те же права и обязанности, что и западные. А вот в плане бытовом – сравнивать, конечно, трудно... И не только об условиях содержания идет речь, но и об элементарной безопасности. Скажем, в Бишкеке и Чуйской области сосредоточено почти 70 процентов всех осужденных республики! И ни в одной из киргизских колоний (вспомните, сколько было побегов) почему-то нет противоподкопной системы, какая в СССР была в каждой колонии еще в 70-е годы. А прочие наши технические системы охраны по-хорошему следовало списать еще в середине 90-х годов. Что плохо – международные организации готовы помогать воспитывать заключенных, их обучать, а вот охранять – нет. А это действительно проблема из проблем.

– *А вот читаем концепцию. Еще в 1999 году, когда принимали новый Уголовно-исполнительный кодекс, было предусмотрено строительство аж 13 новых колоний – общего, особого режимов, для женщин, несовершеннолетних, бывших работников «органов» и судов, а также восьми арестных домов. Причем предусмотрено до 2005 года, а на дворе уже – 2003-й. Как успехи?*

– До сих пор (тяжкий вздох) не можем закончить даже один СИЗО Чуйской области в Иссык-Атинском районе. Не хватает средств. Идея была в том, чтобы разгрузить север республики, чтобы в каждой области были все виды режимов (в т.ч. и в интересах родственников заключенных, – чтобы они могли их посещать и не прерывалась связь с семьей) и, наконец, чтобы это были современные тюрьмы, по всем стандартам. Сейчас вся надежда на один проект примерно на полмиллиона долларов: правительство обратилось в Фонд Сороса. Ждем ответа, даст Бог, в этом полугодии все решится... Но вообще, лишение свободы должно быть крайним средством наказания. У нас, по анализу судебных приговоров, за решетку отправляются 60 процентов осужденных, а в других странах СНГ в среднем – всего 45 процентов.

– *А отчего у нас так любят сажать?*

– Этот вопрос – к судам. Даже мы, работники системы, удивляемся таким вот фактам: в Нарыне за кражу 7 коров скотокраду дали... 27 лет лишения свободы! У нас все-таки

слишком жесткий Уголовный кодекс. Сейчас в парламенте лежит подготовленный нами проект Закона «О сокращении тюремного населения» (это международная терминология, не смейтесь), предусматривающий ряд мер: сокращение в УК сроков наказания за неопасные для общества преступления, более широкое использование наказаний, не связанных с лишением свободы.

– А вот еще говорится в концепции о создании какой-то «службы пробации»?

– Модное сейчас слово, тоже пришедшее с Запада. Эта служба, по идее, еще до суда должна провести социальное исследование личности преступника и дать заключение: стоит ли его сажать сейчас в тюрьму или более эффективное исправление будет на свободе? Ведь для иного подростка сам факт ареста – уже урок на всю жизнь. Но, думаю, создание этой службы – вопрос даже не завтрашнего, а послезавтрашнего дня.

– Вы упомянули Чуйский СИЗО – он строится по международным стандартам?

– Да, очень близко к ним. Во всех смыслах. Кстати, мало кто знает, что по международным стандартам и осужденные должны спать в камерах, а не в общежитиях, как сейчас. Оборудование «строгих» камер (есть разные условия содержания для разных заключенных) мы уже начали в бишкекской 47-й колонии. Нашим сотрудникам гораздо легче: одно дело – ходить среди массы эков, другое – когда те все – под замком. А вот для заключенных, привыкших к зоновской «свободе», это может стать тяжким испытанием: в Латвии, к примеру, после перехода к мировым стандартам даже повысилось число самоубийств.

ДАЕШЬ ПРИВАТИЗАЦИЮ ЗОНЫ!

– А как, Батырбек Кененсариевич, вы думаете приводить к международным стандартам вашу медицинскую службу?

– Медики, считаю, у нас сильные, даже операции на сердце приходилось делать. Но их не хватает. Было постановление правительства о том, что медвузы должны поставлять нам работников. Все равно не идут – зарплата маленькая, работа

непрестижная. Хотим попробовать такой способ: заключаем со студентом контракт, обучаем его на бюджетной основе, взамен он должен какой-то срок отработать у нас. Другая проблема – к международным стандартам надо подтягивать и весь остальной персонал.

– Что он представляет из себя сейчас?

– Специалистов в полном смысле этого слова – всего процентов десять. Есть, правда, факультет в Академии МВД по подготовке сотрудников исправучреждений. Но я сам одно время на нем преподавал и наблюдаю: из 13 выпускников у нас сейчас работают лишь четверо, остальные даже не пришли. Да у них, как ни крути, и уклон другой, милицкий, другое мышление. В чем разница? Объясню на самом примитивном уровне. Милиционеры впятером ловят и сажают одного преступника. А у нас на десятерых сотрудников – таких преступников тысяча. И если работать с ними теми же методами... На «три буквы» не пошлешь, придется отвечать. В нашей системе, я скажу, вообще матерятся намного меньше. Все предметы в МВД, так или иначе – о карательных мерах. А нам теперь придется учиться, как возвращать преступников в общество. В этом году мы планируем открыть свой учебный центр по переподготовке выпускников гражданских вузов – он нам нужен позарез.

– Это и есть то, что называется демилитаризацией системы?

– И это тоже. В будущем мы думаем обходиться и без солдат-срочников, заменим их профессионалами-контрактниками. Международные организации, правда, требуют убрать из мест заключения даже оперативников. Но тут мы сопротивляемся: лишь благодаря оперативной работе только в прошлом году в колониях удалось предотвратить 148 преступлений, в т.ч. убийств. Нельзя сейчас оперов убирать!

– Батырбек Кененсариевич, а что это за частные тюрьмы, которые планируется создать? Это как – на полном серьезе?

– А почему бы и нет? Есть два варианта. Обеспеченные осужденные платят частнику-тюремщику за комфортную «отсидку». И второй – человек (под контролем ГУИНа, конечно) налаживает

нормальное производство, на котором трудятся заключенные, заключает договор на их охрану с работниками колонии. Кстати, желающие этим заняться уже есть, сейчас разрабатывается первый такой проект – тем более что законом частные исправучреждения предусмотрены. Это путь разгрузки государственных колоний.

– А куда вы денете второго (а может, и первого?) хозяина зоны – «общак»? О нем, по-моему, авторы реформы начисто забыли. Проповедник зэку – о заповедях божьих, «не убий», а «смотрящий» ему – заточку в руку: «Завали того-то». И кого ваш зэк слушает?

– Согласен, проблема серьезная. Сломать «общаки» пока невозможно, предстоит для начала хотя бы ограничить их влияние. Ведь почему администрация колонии часто не может заставить зэков выполнять режим? «Общак» говорит: «Дай нам сперва то, что положено». Веский аргумент. Другой инструмент влияния «общака»: часть наших сотрудников, ни для кого не секрет, зависима от зонавских лидеров – те только и ждут момента, чтобы их подмять под себя, не деньгами, так шантажом. Устраним эти моменты – будем нормально финансировать колонии и платить нормальную зарплату нормально подготовленным сотрудникам – вырвем часть козырей из рук зонавского «общака».

А НА КАКИЕ «ШИШИ»?

– Вот мы снова уперлись в главный вопрос: на какие средства собираетесь проводить это грандиозное реформирование системы? Каков бюджет ГУИНа?

– В прошлом году был 138 миллионов сомов. Это меньше третьей части от потребностей – лишь на питание заключенных, зарплату сотрудникам и по мелочам.

– А сколько потребуется на реформу?

– Это еще предстоит считать и считать. В 2000 году, помню, подсчитали: чтобы построить все новые колонии – даже по нашим стандартам – нужно... 4 миллиарда сомов! Больной вопрос... Надежда – только на международную помощь. Но она сейчас в основном сводится к проведению бесконечных семинаров. Я прямо говорю

этим НПО: чем тратить деньги на заседания, обеды и кофе-брейки, лучше бы матрасы для СИЗО купили! И учить нас часто приезжают иностранцы (опять же какие расходы!) – да, умные, с интересными идеями, но ни дня не работавшие в тюрьме! Еще надежда – на возрождение производства в нашей системе, предусмотренное концепцией.

– А кто вам не давал его раньше возрождать?

– Кто? Если бы все министерства выполняли решение Совбеза, принятое еще в 1997 году, наши колонии так бы не прозябали. Совбез обязывал размещать заказы на наших предприятиях. Мы ведь многое можем – форму шить для силовиков, кровати делать, прочий ширпотреб – и намного дешевле. Но государственные ведомства упорно дают заказы кому угодно, любым фирмам, но не нам. Почему-то.

– Может, им так выгоднее? С вас взять нечего, а там – процентики, «откаты» всякие?

– Без комментариев.

– Когда ждать первых плодов объявленной реформы?

– Это долгий процесс. На прошлой неделе приказом минюста создана группа, которая должна до 1 октября разработать Национальную программу реформирования пенитенциарной системы. Реформы будут, вероятно, сперва «обкатываться» на отдельных колониях, потом переноситься на всю систему.

– А журналистов так же, как раньше, не будете на пушечный выстрел к ней подпускать?

– С этим покончено. Поддержка прессы и общественности – тоже часть стратегии. В Казахстане (далеко, кстати, уже рванувшем вперед в реформировании) с этого и начали – открыли для СМИ все двери колоний и показали республике: «Смотрите, что творится!»

Господи, сколько мы уже видели таких же замечательных программ – и где все они растворились? Впрочем, есть слабенькая

надежда, что на сей раз дело пойдет дальше прожектов и кабинетных фантазий: авось, Запад будет подталкивать наше правительство в спину. Как-никак, Киргизстан успел присоединиться к 22 международным договорам, которые надо выполнять. А главное – ведь и выхода другого нет.

Вадим Ночевкин, «Дело №», 25 января 2003